

ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА в 1941—1945 гг.

Галина Анатольевна ТКАЧЕВА,
кандидат исторических наук

С началом второй мировой войны в СССР на государственном уровне проводился ряд важных мероприятий, направленных на повышение обороноспособности страны. С учетом экономического и военного потенциала страны, политической обстановки в мире разрабатывались планы, которые определяли порядок стратегического развертывания и использования Вооруженных сил СССР. Стратегические планы войны в Советском Союзе в различное время носили разные названия: «О стратегическом развертывании Красной Армии на случай войны на Западе по варианту ПС» (1924), «Записка по обороне СССР» (1927), «План стратегического распределения РККА и оперативного развертывания на Западе» (1936), «Основы стратегического развертывания на Дальневосточном театре военных действий» (1938), «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке в 1940—1941 годы» (1940), «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» (май 1941)¹.

Все эти планы учитывали состояние и дислокацию группировок противника, оборонительные возможности укрепленных рубежей, территориально-климатические особенности, в том числе и сопредельных стран. Документы содержали специальные директивы военным советам округов, подробные карты распределения войсковых соединений по театрам военных действий, по фронтам, планы противовоздушной и противохимической обороны, материального обеспечения действующей армии, организации всех видов связи.

Составной частью оперативных планов являлись мобилизационные планы, разработанные на несколько лет вперед с ежегодной корректировкой. Они представляли собой совокупность взаимосвязанных мер, которые обеспечивали, исходя из административно-территориального деления СССР, общую или частичную мобилизацию скрытым (без разглашения целей проводимых мероприятий) и открытым (широким оповещением населения) способами. Учитывались ресурсы, имеющие оборонное значение, и развитие соответствующих отраслей, планы перестройки работы партийных, советских и хозяйственных органов в военных условиях, переподготовка и укомплектование войсковых частей военнообязанными запаса, подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне.

В основу планов прикрытия государственной границы, разработанных в соответствии с главным документом стратегического развертывания, была положена оценка характера и емкости театра военных действий (стратегических

направлений), условия ведения военных действий, сил противника, которые предположительно развертывались на каждом направлении, а также наличие сил в приграничных и военных округах. Вся пограничная зона СССР от Баренцева моря до Тихого океана была разбита на 20 районов прикрытия, которые оборонялись, с учетом пограничных войск, отдельной армией или корпусом, а на приморских направлениях — силами флотов².

Одной из важнейших и крупномасштабных задач, которую пришлось решать, была проблема создания многочисленных, глубокоэшелонированных систем укреплений, предназначенных для прикрытия главных стратегических районов, экономических и административных центров, военно-морских баз. Основу обороны составляли укрепленные районы (УР), располагавшиеся, как правило, вдоль границ и состоявшие из отдельных долговременных сооружений или опорных пунктов (группа соединенных долговременных сооружений), элементами которых являлись пулеметные огневые точки, орудийные и пулеметные полукапониры, командные и наблюдательные пункты, убежища.

Всего в европейской части страны к началу войны было построено или находилось в стадии достройки 41 укрепленный район, а на Дальнем Востоке и Забайкалье к 1945 г. их насчитывалось 23. Одновременно побережье защищала развитая система Береговой обороны Тихоокеанского флота³.

На Дальнем Востоке к возведению оборонительных рубежей на новых принципах фортификации приступили с начала 30-х годов. На 1 января 1940 г. в Приморском направлении по границе с Маньчжурией имелось 6 укрепленных районов (Ханьчуньский, Пограничный, Мишаньский, Дунсанчженский, Хулинский, Дунинский) протяженностью 237—262 км по фронту и глубиной 57—61 км. Строительство этих оборонительных рубежей началось в 1934 г., было возведено 368 долговременных огневых точек и 314 различных сооружений. Предполагалось, что их будут оборонять 735 гарнизонов (пограничники в состав укрепленных районов не входили), включая 14 пулеметных рот (из расчета 8 станковых пулеметов на роту), 181 артиллерийскую батарею, в том числе 35 батарей, оборудованных (из расчета 4 орудия на батарею) под зенитные орудия, 4 — под 75 мм, 11 — под 105 мм, 5 — под 150 мм, 110 батарей — под малокалиберные орудия, а 16 батарей — по два тяжелых орудия.

Узлы сопротивления имели круговую оборону и противопехотные проволочные заграждения, противотанковые препятствия в виде рельсовой изгороди (рельсы высотой 80 см, вделанные в железобетонные столбы). Сооружения соединялись подземными проводами, промежутки были заполнены полевыми фортификационными постройками. Укрепленные районы имели разрывы между узлами сопротивления в 30—35 км. Через долину Суйфуна, к западу и востоку, тянулись на протяжении 30 км противотанковые рвы 3—4 м шириной и 2—3 м глубиной⁴.

Дунинский УР (5 узлов сопротивления) имел пограничный гарнизон численностью 3 013 чел., располагавший к тому времени 16 орудиями и 90 ручными пулеметами. Они прикрывали долину р. Суйфун и г. Ворошилов (Уссурийск). Мишаньский УР с 2 узлами сопротивления вместе с 3 044 пограничниками с 16 орудиями и 72 ручными пулеметами прикрывал г. Иман. Пограничный УР состоял из 4 узлов сопротивления, тылового рубежа в 20 км западнее ст. Пограничной и имел противотанковые рвы шириной 4—5 м и глубиной 2 м, пограничный гарнизон в 4 547 чел., 32 орудия, 8 станковых, 117 ручных пулеметов. Хулинский УР был возведен на 6 высотах. В одной из них имелся железобетонный тоннель протяженностью 1 200 м и четыре его ответвления в две стороны. Пограничный отряд насчитывал 3 661 чел. с 20 орудиями, 108 ручными

пулеметами. Хуньчунский УР обороняли 7 117 пограничников с 20 орудиями, 48 станковыми пулеметами и 216 ручными пулеметами⁵.

Как можно заключить, исходя из документальных источников, основная линия обороны дальневосточных рубежей сложилась к началу 1938 г. Пересмотр стратегических задач, особенно после событий на о-ве Хасан, повлек за собой строительство новых укрепленных районов, модернизацию ранее созданных опорных пунктов. В 1939—1940 г., по неполным сведениям, при возведении железобетонных сооружений уложено 108,3 млн. куб. м бетона, возведено 169 объектов казарменно-складского типа, оборудовано 20 км узлов связи, проложено 330 км подземного кабеля, 2,5 тыс. км воздушных линий, подвешено 18,9 тыс. км проводов, реконструировано 787,8 км линий связи. Было построено 103 казармы, 245 домов для начальствующего состава, 211 складов, 54 кухни и 531 объект различного назначения⁶.

Все оборонительные сооружения Дальнего Востока возводились в полный профиль, с усовершенствованием в боевом и хозяйственно-санитарном отношении, с подбрустверными блиндажами и щелями для укрытия живой силы от поражения осколками снарядов и штурмовой авиации, с ходами сообщения и тщательной маскировкой. Артиллерийские и пулеметные полукапониры строились с защитой от 152-мм снарядов, артиллерийские позиции возводились полевого типа с ровиками для орудийных расчетов и закрытиями для снарядных ящиков, с круговой самообороной. По конструктивному решению и тактическому применению они близки аналогичным сооружениям европейской части СССР.

В предвоенные годы фортификационное строительство в военных округах вели 27 управлений начальников строительства, 138 строительных участков, 85 строительных батальонов, 21 строительная рота. На Дальнем Востоке — 4 управления, 12 строительных участков, 8 строительных батальонов⁷. В стратегическом отношении предусматривалась жесткая оборона на всю оперативную глубину военных округов со строительством вторых и третьих рубежей обороны.

На протяжении всего периода Великой Отечественной войны, особенно в первые ее годы, регион находился в условиях мобилизационной готовности. Вокруг городов и железнодорожных узлов края, в первую очередь в приграничной полосе, были возведены укрепления, сооружены противотанковые рвы, надолбы, созданы огневые точки. В населенных пунктах построены подземные сооружения, щели и другие укрытия.

При обороне побережья перешли от крепостной фортификационной формы (кольцевая оборонительная позиция вокруг стратегически важных объектов, состоящая из отдельных опорных пунктов-фортов) к созданию обширных укрепленных районов и секторов системы Береговой обороны, подчинявшейся Военно-морскому флоту СССР. Их основу составляли минно-артиллерийские позиции, представлявшие собой линии минных заграждений, прикрывавшиеся дальнобойными береговыми батареями. Такие оборонительные районы могли включать в себя и пехотные позиции, расположенные как вдоль побережья, так и вокруг военно-морских баз и наиболее важных групп береговых батарей. Они прикрывали основные узлы базирования сил флота и наиболее важные направления.

Например, директива Военному совету ТОФ за № ОД-88 от 24 июля 1941 г. предписывала немедленно принять самые решительные меры для укрепления обороны главной базы, ориентируясь только на силы флота. Она констатировала, что оставленные для защиты два полка в случае неудач на сухопутном фронте должны защищать Владивосток, сражаясь до последнего человека⁸.

В районах базирования флота осуществлялась охрана водного района, состоявшая из сил и средств противолодочной, противокатерной и противоминной обороны. В июле 1941 г. на подходах к основным военно-морским базам были выставлены оборонительные минные заграждения. Для их постановки первоначально использовались мины образца 1908 и 1912 гг., привезенные во Владивосток со складов Балтийского флота в начале 30-х годов, которые из-за нарушений правил хранения основательно проржавели. В начале 1944 г. началось обновление заграждений с применением мин, изготовленных в военное время по упрощенным технологиям, но из-за недостатка тральщиков работа осталась незавершенной и возобновилась только с началом военных действий Советского Союза против Японии. Тогда было выставлено 1 788 мин и 170 минных защитников, всего 20% плана. С резким изменением военно-стратегической обстановки на Тихом океане в этом не было необходимости⁹.

Наиболее сильные укрепления имела главная база ТОФ Владивосток, протянувшаяся примерно на 300 км вдоль побережья залива Петра Велико-го. Эти укрепления представляли собой интегрированную систему, ядро которой составляли 47 береговых стационарных, подвижных и железнодорожных батарей калибра 75—356 мм, состоявших из более чем 180 орудий, в их числе 51 орудие калибра от 180 до 356 мм¹⁰.

Параллельно с системой береговых артиллерийских батарей и в дополнение к ней была создана система противодесантной обороны, насчитывавшая свыше 300 долговременных пулеметных огневых точек и орудийных полукапониров и перекрывшая наиболее важные горные проходы и прибрежные дороги. Система предназначалась затруднить высадку неприятельских десантов и маневрирование малых быстроходных кораблей и десантно-высадочных средств в непосредственной близости от побережья в полосе обороны Владивостокского, Шкотовского, Сучанского, Хасанского и Артемовского секторов Береговой обороны¹¹.

В годы войны к возведению тыловых оборонительных рубежей привлекались не только военнослужащие, но и строительные организации наркоматов и военно-строительных ведомств, до этого занятые на строительстве оборонных предприятий, а также население по решениям Ставки ВГК, ГКО, СНК и Военных советов фронтов в порядке трудовой повинности и мобилизации. Использовать заключенных лагерей для выполнения такого вида работ запрещалось.

Чтобы реально оценить вклад дальневосточников в повышение обороноспособности региона, приведем несколько цифровых показателей, заведомо в силу закрытости темы не отражающих истинное положение. На 1 апреля 1943 г. в 39 населенных пунктах дислокации 25-й армии проживали 19,3 тыс. чел., включая 1,6 тыс. трудоспособных мужчин, 3,9 тыс. женщин и 1 тыс. подростков. По плану проведения оборонительных работ с 1 июня по 15 июля 1943 г. они должны были отработать 53,1 тыс. ч/дней, что в среднем составляло 8 ч/дней на одного трудоспособного жителя. В Спасске на строительстве 604 оборонительных точек (в том числе 406 амбразур для стрелковых отделений, 135 — для пулеметов и ПТР) затрачено предприятиями 1,2 тыс. ч/дней, в Уссурийске на 895 огневых точек — 6,2 тыс. ч/дней¹².

С 1 сентября 1942 г. на строительстве оборонительных рубежей Военно-Морского флота работали 14,5 тыс. приморцев, а с ноября 1942 г., по постановлению СНК СССР за № 1353 от 10 августа 1942 г. о порядке трудовой повинности, были привлечены к работам на срок до двух месяцев еще 3 тыс. чел.¹³

В соответствии с постановлениями ГКО от 11 сентября 1942 г., от 8 сентября 1943 г. и от 28 ноября 1944 г. о подготовке аэродромов к эксплуатации в зимние и весенние периоды определялось, из расчета на одну смену, привлечение к работе 14,6 тыс. чел., 4,1 тыс. подвод, 300 тракторов и 200 автомашин для военно-воздушных сил ТОФ, 9-й воздушной армии. Все это выделялось в порядке трудовой повинности сроком 3—7 суток по мере необходимости¹⁴.

Даже с учетом того, что долговременные фортификационные сооружения постройки военных лет были слабее укреплений предвоенных годов, дальневосточный регион оказался достаточно защищенным, что явилось одним из сдерживающих факторов для милитаристской Японии. Социально-экономическое развитие региона всецело было подчинено интересам укрепления обороноспособности страны. Это как нельзя лучше подтверждает довоенное распоряжение Генерального штаба РККА от 1 марта 1939 г. В нем четко указывалось, что усиление территорий рассматривается под углом зрения нужд РККА¹⁵.

Местные органы власти должны были создавать запасы централизованных фондируемых материалов и оборудования, выделять и приспособлять помещения для нужд военного ведомства, городской транспорт — для перевозки раненых, строить и ремонтировать здания для размещения войсковых частей и учреждений. Снабжение водой, обеспечение электроэнергией, ремонт подъездных путей местного значения, постройка мостов для пропуска материальной части артиллерии и бронетанковых войск, строительство школ для детей начальствующего состава, меры противовоздушной обороны — все это также возлагалось на местные службы¹⁶.

Как видим, на властные территориальные структуры возлагался большой объем работ по укреплению обороноспособности региона. На случай начала военных действий были повсеместно разработаны оперативные планы эвакуации населения и ценного военного имущества из фронтовых и прифронтовых районов дальневосточного региона.

В основу эвакуационного плана положили лимиты, утвержденные межведомственным эвакуационным совещанием в соответствии с пропускной способностью железных дорог в мобилизационный период (ориентировочно 5 эшелонов в сутки при окончании работ на 9-е сутки). Основа эшелона формировалась на одной станции при сосредоточении по возможности имущества и людских ресурсов из одной организации. Состав длиной 172 условных оси и весом до 1 тыс. т следовал без остановок на промежуточных станциях. Оплата по эвакуации производилась из установленных комиссионным порядком расценок по каждому виду работ в отдельности (демонтаж, оборудование вывозимых объектов, упаковочный материал и упаковка, оплата расходов по выгрузке и погрузке, оплата по найму автогужевого транспорта) с тонны вывозимого имущества и разгрузки его на станции прибытия. Ведомость 1937 г. для разгрузки грузов и людских контингентов со станций Приморской железной дороги включала в себя поставку 3 052 различных вагонов. Планом 1939—1940 гг. предусматривалось вывезти 61 668 чел. и 4 100 т грузов. Требовалось 1 902 различных вагонов. Штаб 1 ОКДВА по директиве от мая 1940 г. предполагал разместить 5 640 членов семей начальствующего состава в Омской области¹⁷.

По плану следовало перемещать и так называемый спецконтингент. В частности, по состоянию на 27 февраля 1939 г. предстояло вывезти из Приморья 34 189 заключенных и 1 626 чел. охраны, 3 490 т грузов, а также 3 тыс. чел. «контрреволюционного элемента» Севвостоклага и 175 т груза, дислоцировавшихся во Владивостоке¹⁸.

Эвакуационные планы в годы войны (один составлен в сентябре 1941 г.) систематически дополнялись и изменялись и включали в себя основной перечень неотложных организационных мер, порядок оповещения, списочный состав лиц, подлежащих эвакуации и ответственных за ее организацию, топографические карты со схемами дорог, маршрутами сбора и последующего перемещения. При отработке эвакуационных мероприятий учитывались и особенности стратегического положения административных районов.

По данным начальника тыла Тихоокеанского флота, на 2 декабря 1941 г. эвакуировано из Приморского края 10 142 чел., в том числе жен военнослужащих 4 506 чел. и 5 636 детей. Планировалось вывезти из Владивостока в окрестные колхозы, не связанные непосредственно с работой предприятий, около 100 учреждений, 2 654 семьи в составе 6 317 чел. На детей, которые перемещались без родителей, заводились особые карточки с подробным описанием внешних признаков, в том числе и родителей¹⁹.

Сложившаяся внешнеполитическая обстановка требовала особой бдительности и готовности ко всяким неожиданностям. В случае оккупации территории дальневосточного региона в соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., постановлением ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу вражеских войск» от 18 июля 1941 г. должно организовываться сопротивление²⁰.

Учитывая возможность нападения Японии, принимается решение о формировании подразделений народного ополчения, партизанских отрядов, истребительных батальонов. «Все, кто может носить оружие — в народное ополчение! Пусть вся страна превратится в неприступную крепость, пусть каждый куст, каждая кочка превратятся в очаги обороны!» — с таким призывом выступили инженеры одного из предприятий Камчатской области.

По воспоминаниям заведующих военными отделами Владивостокского городского и Фрунзенского районного комитетов партии М.М. Степанова и В.В. Гусакова, народное ополчение создавалось с первого дня войны и имело стройную организацию, состоявшую из батальонов во главе с командирами и комиссарами. Во Владивостоке они были сведены в полк и направлены на фронт. Примерно в апреле 1942 г. народное ополчение было преобразовано в истребительные батальоны. Обучение военному делу шло без отрыва от производства²¹.

На случай военных неудач еще в начале 30-х годов на Дальнем Востоке были сформированы партизанские отряды, законспирированное подполье, которые были разгромлены в роковые 1937—1938 гг., а потом воссоздавались заново. Летом и осенью 1941 г. производился учет бывших участников партизанского движения 1920—1922 гг., проводились учебные сборы бойцов будущих партизанских отрядов, намечались основные районы их действий и необходимые базы. В составе управления госбезопасности был организован специальный отдел, который отвечал за создание специальных отрядов, диверсионных и агентурных групп. Однако, как отмечалось в последующих директивах УНКВД по Приморскому и Хабаровскому краям, проделанная работа имела существенные недостатки. Списки будущих партизанских отрядов составлялись без должной проверки, формально. Отсутствовали секретари партийных организаций, которые являлись важнейшим звеном сопротивления. Прошедшие специальную подготовку вообще выпали из поля зрения и не значились ни в одном специальном военном формировании²².

Война многому научила, и опыт западных областей страны по эффективной организации обороны стал использоваться и в дальневосточном регионе. С 20 января 1942 г. в пос. Воронеже под Хабаровском начала действовать «Школа партизан». Среди преподавателей значился и Демьян Бойко-Павлов,

видный участник партизанского движения периода гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. Здесь прошли подготовку около 700 чел. Одни вливались в партизанские отряды, другие проходили курс специальной подготовки и отправлялись в действующую армию²³.

Летом 1942 г. первые руководители областных, районных комитетов партии и управлений внутренних дел под грифами «совершенно секретно» получили специальное сообщение, в котором определялся порядок создания очагов сопротивления на Дальнем Востоке. Вся ответственность возлагалась на специально создаваемые тройки в составе первых лиц партийных, советских, государственных органов. Они составляли и проверяли списки будущих членов партизанского отряда, командно-политический состав, закладывали специальные базы. Вся организационная работа по созданию партизанских отрядов должна была закончиться не позднее 1 августа 1942 г.

Под особым контролем находилась подготовка разведчиков, подрывников, снайперов, медицинского персонала. В соответствии с указаниями НКВД за № 15165сс от 1 июня 1942 г. в каждом районе подбирались один или два всесторонне проверенных лица, которые под надежным прикрытием устраивались на работу с последующей возможностью беспрепятственного передвижения. Отбор велся добровольно в ходе собеседования при соблюдении строгой секретности. В число этих кадров ни при каких обстоятельствах не допускались политически сомнительные, скомпрометированные личности. Директива от 30 августа 1943 г. за № 4/15589сс особо подчеркивала, что прошедшие специальную подготовку закреплялись за органами государственной безопасности и не подлежали мобилизации в вооруженные силы и по трудовой повинности. В случае начала военных действий они направлялись на сборные пункты и их семьи получали льготы как семьи военнослужащих, находящихся на действительной военной службе²⁴.

Учитывая территориальную расположенность основных промышленных объектов, в Тетюхинском районе Приморского края было организовано 3 конных и один пеший партизанский отряды; состав каждого утверждался при наличии соответствующей характеристики персонально.

Синанчанский партизанский отряд численностью 36 чел. (командир — начальник цеха, беспартийный Павел Георгиевич Мельников 1901 г. рождения, комиссар — председатель комитета профсоюза Стефан Герасимович Архипов, начальник штаба — главный инженер комбината «Синанча» Михаил Прокопьевич Аношкин 1907 г. рождения) должен был действовать в долине реки Б. Синанча вплоть до бухты Джигит, где находились оловорудный комбинат «Синанчаолово» и рыбокомбинат Пластун.

Тетюхинский партизанский отряд в составе 47 чел. брал под контроль верховье и бассейн р. Тетюхэ и Тетюхинский оловорудный комбинат. Командиром являлся начальник отдела комбината «Сихали» Иван Георгиевич Куртышев 1905 г. рождения, комиссаром — парторг этого же комбината Виктор Иванович Ладыгин 1909 г. рождения, ранее служил на Тихоокеанском флоте, начальник штаба — Иван Гаврилович Козин 1891 г. рождения.

Тетюхэ-Пристанский партизанский отряд численностью 28 чел. располагался в бассейне рек Тетюхэ, Охабе и Мутухэ, близ плавзавода и рыбокомбината. Командиром был утвержден начальник охраны Федор Павлович Климашев 1903 г. рождения, комиссаром — секретарь партийной организации Александр Георгиевич Сулимов, начальником штаба — плавильщик Григорий Кузьмич Алатырцев.

Судя по документам, партизанские отряды являлись мобильными группами, состоявшими более чем на 90% из лиц мужского пола 1898—1903 г.

рождения, за редким исключением с 1884 г. рождения, не подлежавших призыву на действительную военную службу по возрасту или по роду занятий. Женщин было крайне мало — от двух до пяти человек в возрасте от 18 до 22 лет только в некоторых отрядах, которые являлись медицинскими работниками, машинистками. Социальный состав партизан разнороден — учителя, директора машинно-тракторных станций, председатели колхозов, старатели и рабочие, колхозники. Членами ВКП(б) являлись 28,2% будущих партизан²⁵.

Одновременно создавались четыре основные материальные базы, причем они находились отдельно от мест базирования отрядов, были малоизвестны и удалены от вероятных объектов нападения противника. Создавался трехмесячный запас самого необходимого. Предписывалось забронировать из любых фондов 20 т муки, 5,5 т гречневой и 0,5 т рисовой крупы, 700 кг жиров и 400 кг растительного масла, 800 кг соли, 1,2 тыс. кг сахара и меда, 195 пачек чая и более 600 пачек табака. Из местных ресурсов закладывалось 16 т картофеля, 4,5 т капусты, 3 т огурцов и помидоров, по 2,5 т моркови и свеклы.

Запасы промышленных товаров создавались за счет имущества домов отдыха и централизованных поставок. Планировалось выделить 100 комплектов летней специальной одежды, 40 пар валенок и 15 пар ботинок, по 150 штук ватных курток и брюк, 21 полушубок, 41 одеяло, 155 больших и 12 малых простынь, 100 м мануфактуры, скатерти, занавески, кухонная посуда, для пошивочных и сапожных мастерских — швейные машинки, иголки, нитки, пуговицы, крючки. Было забронировано 700 кг взрывчатых веществ, 4 библиотеки на 100—150 книг в каждой, 200 кг газетной бумаги и 10 кг краски, 20 лошадей (указаны клички), 800 штук бинтов, 23 кг ваты. Прорабатывалась возможность организации госпиталя на 200 коек с операционной группой²⁶.

К ноябрю 1943 г. в Хабаровском крае было создано 173 партизанских отряда численностью 7 668 чел., из них 240 командно-политических работников прошли 20-дневную подготовку при спецшколах 4-го отдела УНКГБ. Также были созданы таежные базы с необходимым количеством продовольственных и фуражных запасов. В соответствии с директивными указаниями НКВД СССР бойцы сформированных партизанских отрядов вливались в состав истребительных батальонов, проходили обучение без выделения в особые подразделения. Фактически истребительные батальоны являлись основной базой формирования партизанских отрядов²⁷.

Истребительные батальоны формировались по решению политбюро ЦК ВКП(б) за № 112 на основании постановления СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсиями противника в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» при местных отделах НКВД численностью от 30 до 500 чел. (обычно 100—200 чел.) из числа проверенного партийно-комсомольского и советского актива, способного владеть оружием. Бойцам истребительных батальонов выплачивалось жалование в размере 300 руб. в месяц и 8 руб. в день на питание (постановление ГКО № 575 от 24 августа 1941 г.).

Официально на истребительные батальоны возлагалась охрана военно-хозяйственных и промышленных объектов, борьба с диверсантами и националистическими бандами, выявление дезертиров, сбор трофейного оружия в прифронтовой полосе и участие в оборонительных боях при приближении противника. Общее руководство осуществлял заместитель председателя СНК СССР, нарком внутренних дел Л.П. Берия. Всего в годы войны, по оценочным данным, было создано около 2 тыс. истребительных батальонов с численным составом около 320 тыс. чел.²⁸

На Дальнем Востоке истребительные батальоны создавались с первых дней войны, прежде всего за счет лиц, не подлежащих призыву. По воспоминаниям участника Февральской и Октябрьской революций 1917 г. А.И. Екатериничева, комиссара 35-го истребительного батальона, в годы войны во Владивостоке было организовано 8 истребительных подразделений по одной тысяче человек в каждом²⁹.

Летом 1942 г. в соответствии с указаниями краевого управления НКВД на Сахалине произошла реорганизация существующих истребительных батальонов. В соответствии с новым штатным расписанием, вместо 6 истребительных батальонов создается 17, которые были укомплектованы главным образом за счет лиц, не подлежащих призыву, и женщин. Истребительные батальоны подчинялись Сахалинскому морскому пограничному отряду НКВД³⁰.

В решении нижестоящих инстанций предписывалось немедленно организовать подготовку снайперов, истребителей танков, ручных пулеметчиков в 53-м истребительном батальоне и наладить систематическую боевую подготовку бойцов истребительных батальонов № 124 в Биробиджане, № 84, в Комсомольске-на-Амуре, № 86 в Литовском. При штабах устанавливалось круглосуточное дежурство вооруженных нарядов в 2—3 чел. с оплатой среднемесячного заработка. Каждый боец был обязан иметь подготовленное своими средствами пригодное для похода обмундирование (теплые костюмы, предметы туалета, вещевые мешки, котелки, ложки, гранатные и патронные сумки). Только по линии Дальневосточной железной дороги укомплектовывались 32 стандартные (по военному образцу) санитарные сумки, полностью закладывалось необходимое снаряжение. Для повышения боевой и политической активности при охране дальневосточных железных дорог с 25 по 30 ноября 1942 г. проводились заочные соревнования истребительных батальонов³¹.

Дислокация и общая численность истребительных подразделений постоянно менялись. На 1 ноября 1943 г. в Хабаровском крае имелось 104 истребительных батальона с личным составом 9 502 чел., из них 1 889 коммунистов, 1 165 комсомольцев, 710 чел. старшего и среднего, 1 004 чел. младшего начсостава. Уже в 1944 г. на Дальнем Востоке насчитывалось 148 истребительных батальонов с численностью более 20 тыс. чел.³²

Подготовка личного состава проводилась по основной 110-часовой программе всеобщего и дополнительной 45-часовой программе отдельно от населения, проходящего всеобщее обязательное военное обучение. Занятия проводились в городах три раза в неделю (два занятия по три часа и одно — по два часа), в сельской местности — два раза в неделю по четыре часа. Особое внимание уделялось поддержанию воинской дисциплины, изучению приемов рукопашного боя и борьбы с танками, топографии. По окончании специального курса обучения в военных билетах делались соответствующие отметки, и перевод на другую работу, особенно лиц командно-политического состава, без согласия НКВД был запрещен. Члены истребительных батальонов полностью обеспечивались оружием и боеприпасами; под их охраной находились все важнейшие народнохозяйственные объекты³³.

Анализ военной политики советского руководства свидетельствует, что военно-оборонные мероприятия на Дальнем Востоке проводились, исходя из стратегии активной обороны, которые предполагали не только отражение, но и разгром любых военных формирований в случае начала агрессивных действий со стороны милитаристской Японии. Следует признать, что в целом обе стороны достаточно корректно соблюдали пакт о нейтралитете, хотя и подвергались периодически давлению со стороны своих союзников. Советская сторона всячески оттягивала решение вопроса о предоставлении военных баз

на территории СССР союзникам по антигитлеровской коалиции, для использования против Японии, хотя для действий против Германии такие базы были предоставлены в районе Полтавы. Япония также всячески стремилась, мотивируя сложным положением на Тихоокеанском театре военных действий, уклониться от открытого военного выступления против СССР, сохраняя экономические связи, в частности в области рыболовства. Все вместе взятое, позволило предотвратить открытое военное столкновение на Дальнем Востоке.

- ¹ Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. Москва, 1993. № 3. С. 30.
- ² Михалев С.Н. Стратегические решения: Противоборство двух стратегий на Восточном (советско-германском) фронте в 1941—1945 гг. Красноярск, 1998. Кн. 1. С. 188.
- ³ Русское фортификационное наследие и задачи его изучения // Крепость России: Историко-фортификационный сборник. Владивосток, 2003. Вып. 1. С. 7.
- ⁴ РГВА. Ф. 37299. Оп. 1. Д. 287. Л. 47, 70.
- ⁵ Там же. Л. 69—78.
- ⁶ Там же. Д. 226. Л. 20.
- ⁷ Маляров В.Н. Строительный фронт Великой Отечественной войны: Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941—1945 гг. СПб., 2000. С. 8.
- ⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. М., 1996. Т. 21 (10). С. 40.
- ⁹ Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин И.В. Крепость Владивосток. СПб., 2001. С. 242; Хроника боевых действий Тихоокеанского флота в войне с Японией (9 августа — 3 сентября 1945 г.). М., 1949. С. 10, 15.
- ¹⁰ Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А., Гаврилкин И.В. Крепость Владивосток. С. 239.
- ¹¹ Воробьев С.А., Стехов А.В., Иванов Ю.В., Королев Ю.В., Калинин В.И. Противодесантные долговременные фортификационные сооружения береговой обороны Владивостока // Крепость России: Ист.-фортификац. сборник. Владивосток, 2003. Вып. 1. С. 64, 101, 102.
- ¹² ГАПК. Ф.П-85. Оп. 1. Д. 579. Л. 55—56, 73, 203, 215, 273.
- ¹³ Там же. Ф. 26. Оп. 20. Д. 77. Л. 187, 280.
- ¹⁴ Там же. Л. 260—262; Д. 119. Л. 64; Д. 134. Л. 1.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 37299. Оп. 1. Д. 88. Л. 17—90.
- ¹⁶ Там же. Ф. 34725. Оп. 1. Д. 161. Л. 88, 295, 296, 297, 298.
- ¹⁷ Там же. Ф. 37299. Оп. 1. Д. 89. Л. 120; Д. 90. Л. 118, 172, 197об, 198.
- ¹⁸ Там же. Д. 79. Л. 53.
- ¹⁹ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 127. Л. 13; П-84. Оп. 1. Д. 33. Л. 77.
- ²⁰ Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне, июнь 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М., 1970. С. 41, 50.
- ²¹ ГАПК. Ф. 1370. Оп. 5. Д. 1. Л. 2—4; Д. 4. Л. 6, 7.
- ²² Там же. Ф.П-68. Оп. 1. Д. 668. Л. 36, 37, 40.
- ²³ Николаев С. Горячая граница: хроника тайной войны в Приамурье // Дальний Восток. Хабаровск. 1995. № 5—6. С. 52.
- ²⁴ ГАПК. Ф.П-3. Оп. 1. Д. 963. Л. 58, 59; Д. 982. Л. 92.
- ²⁵ Там же. Ф.П-92. Оп. 6. Д. 35. Л. 8—11, 14—17, 22—28, 33—35 (Подсчет. автор).
- ²⁶ Там же. Л. 2—7, 10—11.
- ²⁷ ГАХК. Ф.П-35. Оп. 1. Д. 1531. Л. 51 об.
- ²⁸ Похлебкин В.В. Великая война и несостоявшийся мир 1941—1945—1994: Военный и внешнеполитический справочник. М., 1999. С. 144.
- ²⁹ ГАПК. Ф. 1370. Оп. 5. Д. 5. Л. 1—2.
- ³⁰ ГАХК. Ф.П-35. Оп. 1. Д. 1239. Л. 129; Вишневицкий Н.В. Сахалин и Курильские острова в годы второй мировой войны. Южно-Сахалинск, 2000. С. 45.
- ³¹ ГАХК. Ф. 730. Оп. 3. Д. 306. Л. 6, 10 об, 15.
- ³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 239. Л. 50; ГАХК. Ф.П-35. Оп. 1. Д. 1531. Л. 51 об.
- ³³ ГАХК. Ф.П-35. Оп. 1. Д. 969. Л. 114—115.

SUMMARY. The article by Candidate of Historical Sciences Galina Tkacheva “Defense Capacity of the Region in 1941—1945” characterizes the preparation of the Far East of the Soviet Union to the military actions, to defense. The article makes an accent of the foundation of partisan detachments in the regions of the Far East for probable struggle against occupants.